

**Премьера
состоялась вчера**

80 МИНУТ С МИХАИЛОМ УЛЬЯНОВЫМ

ОБЫЧНАЯ передача: критик беседует с актером, сам актер рассказывает о своих ролях, фрагменты из этих ролей.

А у меня, зрителя, с первого же появления в кадре Михаила Александровича Ульянова ощущение чисто телевизионное: кажется, это мне, именно мне говорит Михаил Ульянов о том, что он чувствовал, что пережил, создавая тот или иной образ. Тем интереснее затем наблюдать, как раскрывается в фильме или спектакле человеческий характер, о котором только что говорились.

Иногда же иначе: то, что волнует его, как человека, то, над чем он раздумывает, — подтверждается тем, что именно и как он играет. И это, пожалуй, еще более интересно.

Едва началась передача — и вот уже поражает зрительское воображение директор завода Друянов из спектакля «День-деньской». Артист, как мне кажется, нашел неожиданное решение образа. У его Друнова резкий, скрипучий голос, упрямо выдвинутая челюсть, сгорбленная фигура, при ходьбе с каким-то

странным наклоном вперед. Словом, узнать артиста вроде бы нельзя. Но вот Друянов снимает трубку с телефонного аппарата и просит соединить его с «высоким» начальством. И когда крупный план телевизионного экрана приближает к нам умные, страдающие глаза человека, который болеет за свое дело, уверен в своей правоте и эту уверенность пытается передать собеседнику, мы, зрители, в этом, совершенно ином обличье узнаем страстный темперамент Михаила Ульянова.

И так в течение всей передачи: новый фрагмент — новые грани характеров. То скромная человечность и суровая доброта милиционера, погибающего в финале фильма «Самый последний день», то широта порывов Мити Карамазова — шальный блеск в глазах, когда он говорит о своей любимой, и безудержная тоска, непонимание: «Как же так можно!», когда сталкивается с черствым равнодушием того страшного мира, в котором живет. И снова — совсем другой Ульянов в фильме «Егор Булычов», где горьковский герой мужественно и яростно то-

скует по своей, не так как нужно, прожитой жизни: «В чужие люди попал!». И вот уже легкий, ладно сбитый, весь движение — Антоний из спектакля «Антоний и Клеопатра» кружится вместе со своими друзьями-воинами в танце, вскакивает на бочку, словно бы дирижирует всем этим буйством на пиру...

Если бы не было в этой передаче ничего больше — только восемь/этих фрагментов, — уже хорошо. Уже удача создателей передачи — автора и ведущей Галины Кожуховой, режиссера Льва Елагина, редактора Беллы Барской. Но кроме Ульянова-актера мы встретились еще с Ульяновым-человеком, личностью...

Из того, что вовсе не играл, а просто, бесыскусно, предельно искренне говорил Михаил Александрович Ульянов, глядя в глазок телекамеры, а значит — прямо в глаза каждого из нас, из всего этого вставал перед нами, зрителями, цельный человеческий характер. И когда, стоя у микрофона перед небольшой зрительской аудиторией, напрочь забыв о том, что на него направлена кинокамера, он, нахмурившись, упрямо сдвинув брови, бросает в зрительный зал свое, выстраданное: «Я

знаю: любовь, дружба, мужество, достоинство существуют! В это надо заставить силой искусства поверить!..», начинаешь понимать, как важно ему, Ульянову, не просто сыграть роль, а каждый раз, в каждой ботке сказать людям нечто новое и важное.

Обаяние ума и человеческой личности в сочетании с талантом — самое ценное, что, на мой взгляд, вынесли мы, зрители, из телевизионной встречи с Михаилом Ульяновым.

Е. КАБАЛКИНА.